

— Проходите, коллега, проходите. Вытирайте ноги.

Хозяин квартиры, мурлыча под нос веселый мотивчик, дергал подтяжки, которые отвратительно хлопали по голому телу.

— Я вас попросил подняться в мою обитель посмотреть вот на это. Ну как шмоточка? — из чрева полированного шкафа выглядывала ослепительно белая

ческого свинства. Сейчас он разбирается в "желтеньких" и "беленьких", завтра станет добывать всеми путями "красненькие" и "зелененькие". Немного нужно времени, чтобы разобраться в этой палитре.

Поезд метро вез меня в новый цирк, где ждал композитор, а в ушах все еще звучало разноголосное эхо, однообразно

Несколько часов назад я тоже видел семью...

— Ну, как реквизит? — Артемьев-старший, радостно улыбаясь, показал рукой на стол. Там выстроились в ряд необычные диалоги, декорированные под кукол-неваляшек. — Это для моих девочек. А вот это костюмы. Девчонки будут гномиками. Какие краски, а? — Алексей

ставил номер. Балетмейстерами были Шелковы из Пермского оперного. Поработали от души... Опять заговорил Алексей:

— Теперь у нас знамена раскрываются в конце номера, бумажные голуби летят из-под купола в зрительный зал, ленточный салют стреляет. И везде одно слово — "МИР". То, что ты видел частями, теперь объединено одной мыслью и сюжетом. Многие трюки и сцены сам придумал!

Алексей горделиво вскинул подбородок. Татьяна ласково блеснула глазами в сторону мужа.

— А вот что мы еще придумали...

Дверь с грохотом распахнулась, и в гардеробную ворвалась Майя (копия старшей сестры, несмотря на трехлетнюю разницу в возрасте).

— Мама, это тебе! — в руках у девочки была крупная ромашка.

Анна в своем углу враз ожила, оторвалась от рисунка:

бается, все равно смотрит серьезно. Пушкина читает, Экзюпери. Любит рисовать. А классическую музыку может часами слушать. Вся в мать!

— А младшая в отца! — не остается в долгу Татьяна. — Такая же егоза. Одинадцать лет, а как ртуть! Все сказки с отцом читает.

— Зато круглая отличница! — парирует Алексей и вдруг грустнеет. — Да-а... Растут девочки. Представляешь, я в ГИТИСе сессию сдавал, так Аня с Майей три недели одни работали, без нас. Вот тут только и почувствуешь, как годы летят. Хотя какие они, наши годы! — Алексей вновь блеснул ровным рядом зубов, — эх, отец не дожил... Батя у меня воевал с первых дней Великой Отечественной. Старшиной конной разведки был. А в цирке работал на проволоке с номером "Русский перепляс". Много о войне рассказывал. Ты думаешь, я случайно тему мира взял? — Артемьев резко повернулся ко мне. — Я не знаю, что такое война, Татьяна тоже. И девочки наши пусть лучше в эти игрушки всю жизнь играют! Пусть радуются, что живут в мире, работают в цирке. Пусть собирают вот эти вот "желтенькие-беленькие", — он кивнул на ромашку в стакане с водой. — А девочки хорошие... Дело династии в надежных руках. Знаешь, кто основоположник в советском цирке нашего жанра?

Из истории цирка я знал фамилию и уверенно сказал: "Эс-Ве".

— Это псевдоним. А настоящее ее имя — Ольга Цупак, моя мать.

Брови мои невольно приподнялись.

— Татьяна тоже из "опиленных" — отец был ловителем, мать тридцать лет проработала ассистенткой в аттракционе Ю. Дурова. Так что игрушки — игрушками, а делами мы занимаемся серьезными. Недавно нас всех ЦК ВЛКСМ награждал именными нагрудными знаками за активное участие в работе XX съезда комсомола. Так что девочки наши уже с наградами. Главное в нашем деле что? Работа! Мы и в репетиции с детьми стараемся найти игру, чтобы труд не был в тягость.

Алексей и Татьяна, споря и перебивая друг друга, долго говорили о проблемах наставничества в цирке, о проблемах воспитания детей.

Я смотрел на них и улыбался. Счастливые они. Счастливые своим делом, своими детьми. И не случайно, видимо, название их номера — "Мир игрушек". Игрушка — символ беззаботного детства, символ мира.

В каждом возрасте свои игрушки. И счастье, когда в руках у взрослых игрушки мирные, дарящие радость. И счастье, когда детям нужны куклы-неваляшки, а не розовые поросята, набитые монетами...

Прощаясь, я увидел на столе развернутый номер "Советского цирка". Одна из девочек разноцветными карандашами разрисовывала свою фамилию. В газете было сказано, что номер Артемьевых допущен ко второму туру конкурса, проходящего в Союзгосцирке.

— Что ж, по труду и честь, — подумал я.

Артемьевы-старшие готовились к представлению. Я торопился к давно заждавшемуся композитору. А с балкона над репетиционным манежем хорошо были видны мелькающие руки Ани и Майи, так ловко управлявшихся со своими игрушками-диаболом.

Мне припомнился сегодняшний день от начала и до конца. И я улыбнулся девочкам:

— Эх вы! Желтенькие, беленькие...

Владимир КУЛАКОВ.

На снимке: семья Артемьевых.

СЕГОДНЯ НА МАНЕЖЕ

Сов. цирк 1987, 2 акт.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ИГРУШКИ,

или История одного дня

Владимир КУЛАКОВ

куртка, вся на застежках — "молниях". Сосед по дому любовно поглаживал волосатый живот, нахально вылезавший из потрепанных вельветовых штанов.

— Японская. Недорого, — он назвал такую цену, что я невольно отшатнулся. Куртка мне была ни к чему, об этом я и поспешил ему сообщить.

В этот момент хлопнула парадная дверь, и в комнату впрорхнуло юное создание крикливой внешности. Увидев меня, оно закатило подведенные глазки и многозначительно протянуло:

— Мм-м! У нас мужчина! — и без всякого перехода, картинно выставив ножку, приподняла джинсовую брючину и спросила:

— Ну как шмоточка? Потрясно, да? Юрчик достал. "Саламандра"!

— Вика, дочь! — вскричал родитель, оглушительно шлепнув подтяжкой. — Сколько раз тебе говорить, не связывайся с этим шалопаем, он тебя облапошит!

На шум в комнату незаметно вошел, точнее вполз, что-то толкая впереди себя, самый маленький член семьи — пятилетний Артур. Папаша умильно сложил губы куриной гузкой:

— Артурик, покажи дяде игрушку.

Артурик внимательно посмотрел на меня и вдруг закапючил:

— Она кушать хочет, дай денежку Муня! — в руках у ребенка была старая копилка в виде розового поросенка. Я растерянно пошарил в кармане и достал пятак, приготовленный для метро.

— У-у-у!.. Желтенькая... — разочарованно захныкал Артурик. — Дай беленькую!

Беленькой монетки у меня не оказалось. Мгновенно потеряв ко мне всякий интерес, пятилетний нумизмат исчез в соседней комнате.

Отец крикнул вдогонку:

— Артурик, не разбей Муню! — и, провожая меня, нараспев сказал:

— Да-а... Когда-то и я вот так бедствовал в цирке, пока не ушел... Ну что это за жизнь — 159 рз в месяц и колеса?! И кем я был в цирке? Клоуном! То ли дело сейчас! Конферансье, эстрада — звучит! Полтора месяца чеса, два дома, и мани-мани в кармане. Вот так, коллега.

Дверь за мной захлопнулась, и долго еще щелкали разнокалиберные замки и гремели дверные цепочки...

Я ехал в метро на встречу с композитором, а перед глазами все еще стоял сосед по дому, его дочь и маленький сын. Я задавал себе вопрос, кем станут его дети. С отцом все ясно — дедеч от искусства, благоденствующий меценат. Дочери через год выдадут паспорт. У младшего детская игрушка — копилка. Вот оно, начало жизненного пути — от розового поросенка с монетами до большого челове-

повторяющее: "Муня-мани, шмоточка, вот так, коллега"...

Цирк встретил неповторимым запахом, шумом закулисной жизни. Знакомый голос заставил поднять голову на один из балконов над репетиционным манежем.

— Зайди, покажу что-то новое, — приглашал меня в гардеробную товарищ.

На двери гардеробной висела бумажная табличка: "Семья Артемьевых". С этой семьей я впервые встретился лет шесть назад. Затем часто оказывались в одной программе, вместе работали за рубежом. И всегда я получал удовольствие от встреч с этими людьми.

"Семья Артемьевых". Семья...

Артемьев всегда был неугомонным. — А музыка, музыка! Чайковский, "Щелкунчик"! Восемь минут работы. Девчонки нам уже в трюках не уступают. Во как! — выдохнул он.

— Аня, не горбись! — лицо Алексея мгновенно стало строгим.

В углу сидела старшая дочь Аня и увлеченно что-то рисовала.

— Сколько мы не виделись — год, два? А у нас новый вариант номера. Называется "Мир игрушек".

Тут вошла Татьяна Дьяковская, жена Алексея. Как всегда, улыбающаяся и приветливая, она с ходу включилась в разговор: — Алексей с Братовым написали сценарий, Тернавский по-

— Ух ты-ы! Желтенькая, беленькая!..

Я вздрогнул от неожиданности.

— Ну все, матрешки. За дверь, — мягко, но в то же время строго попросил Артемьев-старший. — Игрушки не забудете. И в манеж. Пора репетировать.

Девочки защелкали, схватили диалоги-неваляшки и расправились в дверном проеме. Их звонкие голоса через минуту зазвучали с репетиционного манежа.

— Растут, — протянул вновь заулыбавшийся Алексей. — Старшей четырнадцать. В школе все математические олимпиады выигрывает. Аня, даже когда улы-

